

О.В. КардашНПО «Северная археология»
а/я 398, Нефтеюганск, 628310, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru**ПОСОХ ЖРЕЦА ИЗ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА XVI–XVII ВЕКОВ**

В статье публикуется группа предметов, обнаруженных при археологическом изучении Надымского городка, принадлежавшего аборигенному населению Северо-Западной Сибири, в слоях конца XII – первой трети XVIII в. На основе анализа этнографических коллекций и сведений о ритуальной практике коренных народов Сибири, а также морфологических признаков самих артефактов они идентифицируются как шаманские жезлы, или посохи жреца. Представленные в работе ритуальные вещи – деревянные посохи и костяные ложки с зооморфным навершием – впервые вводятся в научный оборот. Анализируется семантика зооморфных композиций на таких предметах из ранних слоев памятника. Шаманские жезлы являлись наиболее древним магическим атрибутом и выполняли функции, близкие описанным в этнографии. Функционально различные предметы ритуального назначения имели единый зооморфный декор, архетип которого появился на территории Северо-Западной Сибири в середине I тыс. до н.э. В отличие от других подобных памятников – Войкарского, Полуйского (Обдорского) городков, – при раскопках Надымского городка найдено много ритуальных предметов, что, вероятно, свидетельствует о его большом религиозно-ритуальном значении.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Надым, р. Надым, р. Обь, Обская губа, самоеды, остяки, религия, обряды, жрецы, шаманы, посохи.

Введение

Археологические находки, непосредственно связанные с религией древнего аборигенного населения Северо-Западной Сибири, довольно редки. Но не только этим определяется особое внимание исследователей к таким вещам. Очевидно, специалистов привлекает возможность с их помощью воссоздать духовный мир людей прошлого, намного менее изученный, чем бытовая культура и хозяйство. Как ни странно, чем хронологически ближе археологические материалы памятников севера Сибири к современности, тем меньше среди них артефактов религиозно-культового характера. Особенно это касается периода XVI–XVII вв. Данное обстоятельство определяет значимость любых вновь вводимых в научный оборот таких источников. В настоящей статье впервые публикуются артефакты религиозно-культового назначения, найденные при раскопках Надымского городка в слое XVI в. Характеристика этого памятника приводилась в ряде работ.

В частности, мною введены в научный оборот материалы XVII – первой трети XVIII в. [Кардаш, 2006а, 2009б]. В рамках данной статьи будет уместным лишь напомнить, что Надымский городок – общинный центр аборигенного населения Северо-Западной Сибири – находился в Нижнем Приобье, в самом устье р. Оби при слиянии ее с р. Надым (рис. 1).

Процесс идентификации предметов, обнаруженных при раскопках Надымского городка, исследуемого мною с 1998 г., нельзя назвать завершенным. К настоящему времени из 14 тыс. артефактов немногим более половины систематизированы в рамках 250 категорий. Нередко атрибуции предметов или фрагментов способствует обнаружение целых изделий, имеющих формальные признаки функционального назначения и, что еще лучше, дополнительные этнографические аналогии. Так, в последний полевой сезон был найден целый посох, определенный как атрибут жреца (шамана?), что позволило идентифицировать группу ранее не опознанных фрагментов и вы-

делить новую категорию вещей, дополнивших крайне малочисленные материалы по религиозной культуре жителей Надымского городка.

Ритуальные посохи в культуре аборигенных народов Сибири

В современной этнографии народов Сибири известны два типа посохов, которые можно охарактеризовать как ритуальные или статусные. Один из них – посох свата – применительно к коллекции Надымского городка достаточно подробно проанализирован [Кардаш, 2010]. В данной статье рассматривается второй тип – посох шамана.

К сожалению, в современной этнографии западно-сибирских хантов и ненцев таких предметов известно немного [Хомич, 1995, с. 243]. К примеру, в опубликованных коллекциях Российского этнографического музея (РЭМ, г. Санкт-Петербург) они отсутствуют, а в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ, г. Санкт-Петербург) их только два. Поскольку это единственные предметы, по этнической и культурной принадлежности наиболее близкие надымским посохам, то остановимся на их характеристике подробнее.

Один шаманский посох (МАЭ, № 5707-10) изготовлен из дерева. Он имеет форму жерди, разделенной на семь частей, на каждой из которых по семь зарубок, а на верхней изображен антропоморфный лик. Этот посох был обнаружен у священной лиственницы рядом со старым бубном и священной нартой [Там же].

Другой посох (МАЭ, № 5707-9) железный, длиной 102 см. Он представляет собой плоский кованый стержень с семью расширениями: на верхнем изображен антропоморфный лик, нижнее выполнено в виде оленьего копыта, остальные орнаментированы косыми крестами и имеют боковые парные отверстия, в которые продеты медные и железные кольца. Промежутки между расширениями инкрустированы медью и оловом. Л.В. Хомич атрибутирует предмет как посох ненецкого шамана для проводов души умершего в мир мертвых. По представлениям аборигенов, шаман опирался на него, передвигаясь по ледяной дороге [Там же]. Этот же посох опубликован Е.Д. Прокофьевой в составе костюма энецкой шаманки Савоне, у которой он был приобретен в 1938 г. Г.Д. Вербовым вместе с другими предметами. По этнографическим данным, такой железный посох мог служить атрибутом шамана самой высшей, третьей категории *будтодэ*, способного непосредственно общаться с небесными духами. На верхнем расширении был изображен лик духа – «хозяина посоха». Посох использовался во всех случаях, когда шаману необходимо было «перейти ледяную дорогу, отделяющую видимый мир (живых) от нижнего (невидимого) мира (мертвых)» [Прокофье-

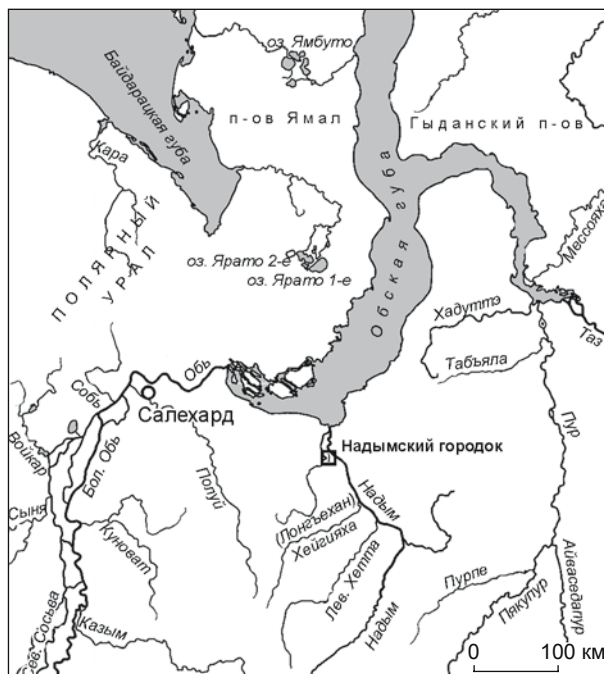

Рис. 1. Расположение Надымского городка XIII–XVIII вв.

ева, 1951, с. 151, рис. 32]. Поскольку эта этническая атрибуция представляется наиболее достоверной, для полноты анализа обратимся к более широкому кругу сибирских шаманских жезлов.

Энецкий шаманский посох функционально и семантически был схож с селькупским, который одновременно символизировал «древо жизни» шамана и выполнял роль фигуральной опоры во время опасного пути через ледяные горы и ущелья в мир предков. В процессе ритуальных камланий некоторые шаманы откладывали бубен и продолжали церемонию с посохом, что подчеркивало их равнозначность [Там же, с. 152].

По религиозным воззрениям селькупов, только избранные шаманы получают от духов предков разрешение иметь *сопыль туры* – «лыжный» посох. И именно эти шаманы способны пройти в страну предков. Считается, что посох необходим не только для преодоления пути через мистические горы и ущелья, но и в качестве оружия для борьбы с враждебными духами. Селькупский шаманский жезл представлял собой железный стержень с кружком на нижнем конце (наподобие лыжной палки) и трезубым навершием, символизировавшим три священных дерева – березу, кедр и лиственницу. В целом посох являлся символом *касылъ по* – жертвенного дерева, к которому привязывались лоскуты материи, амулеты, а также «древа жизни» самого шамана, поднимавшегося по нему в Верхний мир [Прокофьева, 1949, с. 373–375]. У кетов шаманский посох также символизировал мировое древо [Алексеев, 1967, с. 187].

Дополняют семантическую характеристику ритуального жезла народов Сибири представления амурских гольдов, которые тоже считают посох одним из важных отличительных атрибутов полноправного (великого) шамана, способного пройти «во все миры Вселенной» [Лопатин, 1922, с. 247–248]. Именно жезл используется в ритуале проводов души умершего в *бун* – загробный мир. Шаман не только опирается на него в изображаемом долгом и нелегком пути, но и выгоняет им злых духов из *итуа* – ритуального шалаша для поминального обряда, погоняет собак, везущих его и душу умершего. Кроме этого, посох присутствует в процессе гадания, параллельно проводимого в рамках поминального обряда [Там же, с. 303–309].

У удэгейцев, орочей, нанайцев, эвенков, эвенов также существовал близкий по форме и сути ритуал проводов души в мир мертвых на *каса таори* – больших поминках, при котором использовался посох. Шаман в таком ритуале выступал в роли хозяина вселенной и сопровождал душу умершего. Универсальная цель обряда не вечное упокоение души, а обеспечение продолжения жизни рода через возрождение предков в потомках. Этот обряд исполнялся только шаманом наивысшего статуса. Посох *боло нирка* – один из особых атрибутов обряда больших поминок. Он имеет форму копья. У нанайцев, эвенков и эвенов его навершие представляет собой антропоморфное изображение всевидящего духа с двумя лицами. Древка удэгейских шаманских посохов из коллекции РЭМ выполнены в виде змеи, длина одного экземпляра 150 см, другого – 139 см, у него имеется навершие в форме человеческой фигуры [На грани миров..., 2006, с. 186–187, 236]. Подобный шаманский посох орочей из коллекции МАЭ, длиной 117 см, имеет навершие в виде антропоморфной головы [Там же, с. 236]. В начале ритуала *каса таори* через *боло нирка* шаман сообщает душе – *пане* о том, что он отвезет ее в мир мертвых – *бун* [Сем, 2006б, с. 603–610]. Использование посоха как коммуникативного предмета дополнительно подчеркивает его важную медиативную функцию. Помимо обряда *каса таори*, он применялся шаманами при гадании [Там же, с. 576]. Судя по фотоматериалам из РЭМ, эвенкийские шаманы при этом пользовались довольно простыми по форме посохами в виде обычной деревянной жерди [На грани миров..., 2006, с. 193].

Шаманские жезлы шорцев были связаны и с выполнением лечебной функции. В коллекции МАЭ (№ 5073) имеется один посох *пышки таяак*, принадлежавший шорскому шаману [Дьяконова, 1981, с. 150, рис. 2, а]. Это жердь длиной 69 см, круглая в сечении, диаметром 1,5–2,0 см, с орнаментированной средней частью. Спиральный орнамент выполнен путем срезания коры. На верхнем конце жерди веревкой привязан кусок свернутой бересты. Шаман исполь-

зовал этот посох при камлании над больным человеком. Большая семантическая значимость шаманского посоха у шорцев дополнительно определяется наличием жезла у одного из двух видов изображений духа – покровителя охотников *Шаныра* [Там же].

У кумандинцев при жертвоприношении лошади Ульгеню – божеству, символизирующему плодородие, посох *таяак* с привязанными к нему красными, черными и белыми лентами был обязательным атрибутом шамана – исполнителя роли Коча-кана. В одной из легенд о Коча-кане повествуется о том, что, когда он был земным шаманом, во время камлания над больным на него напал сильный злой дух, спасаясь от которого, Коча попал на небо к Ульгеню. Для атрибутики лечащих шаманов и Коча-кана характерно отсутствие бубна, но обязательно наличие посоха, являвшегося магическим орудием борьбы со злыми духами [Там же, с. 150–151].

По представлениям бурят, посохи во время обрядовых действий превращались в мистических коней, служивших средством передвижения и сообщения шаманов с невидимым божественным миром. Такие посохи воспринимались как ритуальные предметы, равнозначные бубну, и украшались подвесками, символизировавшими помощников шамана [Там же, с. 152].

Приведенные этнографические данные демонстрируют широкий спектр морфологических признаков шаманских жезлов народов Сибири. Но, несмотря на большие различия в деталях, культовый статус посохов, их ритуальные функции и семантика во многом идентичны. В этой связи семантические и морфологические признаки одинаково важны для идентификации этнографических и археологических предметов данной категории. Безусловно, по ним и одному известному в этнографии Северо-Западной Сибири ненецкому шаманскому жезлу общие формальные признаки выделить сложно. Тем не менее попытаюсь это сделать.

Основываясь на приведенных выше сведениях, можно дать общую характеристику ритуального посоха. Это деревянная жердь, реже железный стержень длиной в среднем 117–150 см (минимальный размер 69 см), диаметром от 1,5–2,0 до 5,0 см, с религиозно значимым декором и особым антропоморфным или зоморфным навершием. В большинстве случаев как сам посох, так и его декор связаны с символикой Мирового древа и идеей божественного плодородия.

Посох использовался в таких обрядовых действиях, как гадание, лечение человека, борьба со злыми духами и, наверное, самое важное – поминки души, сопровождение ее в мистический мир для последующего перерождения. Ему были присущи фигуральные коммуникативные функции: средства диалога и средства перемещения.

Вне зависимости от формы шаманский жезл (посох) большинством исследователей отмечается как

обязательный атрибут шамана высшего посвящения [Сем, 2006а, с. 532]. Опираясь на материалы исследований алтайских народов, В.П. Дьяконова считает, что это один из самых ранних магических атрибутов, предшествующий таким ритуальным предметам, как бубен и колотушка [1981, с. 151]. Того же мнения придерживаются исследователи культуры кетов и эвенков [Алексеев, 1967, с. 185; Василевич, 1969, с. 252].

Все приведенные признаки позволяют идентифицировать обнаруженный при раскопках Надымского городка предмет и вместе с ним группу аналогичных артефактов как «посох жреца». Следует оговориться, что этого термина в современном этнографическом понятийном аппарате нет. Его применение обусловлено необходимостью подбора некоего общего понятия для обозначения определенного круга предметов, которое исключало бы конкретные ассоциации с известными категориями и типами вещей, в данном случае с этнографическими посохами. На основе археологических данных невозможно достоверно определить, была ли религия жителей Надымского городка идентична известному в современной этнографии шаманизму и существовал ли в то время отдельный шаман, или подобные функции мог выполнять вождь. Термин «жрец» в современном русском языке является обобщенным определением человека – главного исполнителя ритуальных функций во всех древних (языческих) религиях [Даль, 1989, с. 546; Ожегов, Шведова, 1995, с. 191; Толковый словарь..., 2001, с. 352]. Вводя понятие «посох жреца», я вкладываю в его содержание принадлежность предмета человеку особого статуса, в функции которого входило совершение ритуально-обрядовых действий.

Жреческие посохи Надымского городка

Целый посох, позволивший определить группу предметов как жреческие атрибуты, был обнаружен на полу первого уровня постройки 10 остяцкого квартала I, этническая принадлежность которого обосновывается ретроспекцией планиграфии верхнего уровня, где постройки датированы концом XVI – первой третью XVIII в. и идентифицированы на основе письменных и археологических источников [Кардаш, 2009а, с. 94–95]. Первый уровень в рамках относительной хронологии городка соответствует периоду не ранее конца XV – первой четверти XVI в. (ок. 1300–1730 гг.).

Посох 1. Он представляет собой тонкую жердь овального сечения, увенчанную ажурным зооморфным навершием (рис. 2). Общая длина изделия 154 см. Для удобства описания посох условно разделен на три части. В верхней части с помощью трех сквозных отверстий переданы две сопоставленные фигуры животных: круглое формирует головы, полуовальные –

Рис. 2. Посох жреца из хозяйственной постройки 10 остяцкого квартала I Надымского городка.

туловища и лапы. Изображения крайне стилизованы и схематичны. В них едва можно угадать фигурки животных, видовая принадлежность которых на уровне семейства куньих или псовых определяется с большими оговорками. Размер фигурок также условен: по окончанию прорезей это 7,0 см. По динамике изменения сечения, максимальный размер которого 2,7×1,2 см, длину верхней части можно определить в пределах 13 см. Среднюю часть отличает одинаковый по всей длине 120 см размер сечения 2,2×1,6 см. Нижняя часть определена по изменению параметров сечения. Условно ее длина составляет 21 см. Нижний конец заострен двумя срезами с противоположных сторон. Длина срезов 4,0 см. Размер сечения до заострения 1,9×1,2 см, нижнего конца – 1,8×0,5 см. Следует отметить наличие на нижнем торце следов забитости (погнутости волокон древесины), что свидетельствует об использовании предмета как посоха при ходьбе.

Посох 2. Фрагмент, включающий полностью навершие и отрезок средней части предмета, найден в постройке 12 самоедского квартала V, в пространстве галереи у задней стены [Кардаш, 2007, с. 100, № 11912]. Постройка на две трети разрушена вследствие осыпания берега и продолжает оползать в воду.

Многочисленные уровни ее реконструкции свисают и перемещаются. Это обстоятельство затрудняет определение хронологии слоев жилища. Уровень, где найден предмет, относится к периоду не ранее конца XVI – не позднее середины XVII в. (ок. 1550–1590 гг.).

По фрагменту реконструируется посох в форме тонкой жерди овального сечения с ажурным зооморфным навершием (рис. 3, 1). Общий размер изделия определить невозможно. Верхняя часть имеет длину в пределах 8 см, ширину 3,5, толщину 1,4 см. В навершии с помощью двух сквозных отверстий переданы две сопоставленные фигуры животных: круглое формирует головы, полуовальное – лапы и туловище. Поперечными нарезками с наружной стороны изображений обозначены шея и короткие уши. Степень стилизации очень велика, видовую принадлежность изображенных животных к небольшим хищникам можно определить только по близости иконографии этих изображений к вышеописанным на посохе 1. Размер фигурок соответствует длине верхней части, определенной по сужению предмета до 2,8×1,5 см. Ниже размер сечения увеличивается и у обломанного конца составляет 3,4×1,9 см.

Рис. 3. Фрагменты посохов жреца из Надымского городка.

1 – из постройки 12 самоедского квартала V; 2 – с северо-западной многофункциональной площадки; 3 – из осыпи берега.

Посох 3. Навершие с зооморфной композицией, не оставляющей сомнения, как минимум, в ритуальном использовании предмета, которому оно принадлежало, обнаружено на северо-западной многофункциональной площадке к северу от северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка у основания наружной стены. Предмет находился в слое, который по относительной хронологии городка датируется последней третью XVII – не позднее начала XVIII в. (ок. 1670–1710 гг.) [Кардаш, 2003, с. 55–56, рис. 188].

По фрагменту реконструируется посох в форме тонкой жерди овального сечения, увенчанной ажурным зооморфным навершием (рис. 3, 2). Общий размер изделия установить невозможно, длина верхней части в пределах 12 см, ширина 3,5, толщина 0,8 см. В навершии посредством сквозных отверстий различной конфигурации переданы две пары сопоставленных фигур животных. Верхние смыкаются мордами, передними и задними лапами. Длина фигурок не более 6 см. На головах обозначены короткие маленькие ушки, что в совокупности с другими признаками, несмотря на схематизм изображений, позволяет определить видовую принадлежность животных на уровне семейства куньих или псовых (песцы). Сквозные отверстия на туловище каждой фигуры, наряду с декоративной нагрузкой, явно имеют определенное знаково-символическое значение.

Описанная композиция плавно переходит в нижнюю, также зооморфную, но более упрощенную, близкую композиции посоха 2: три круглых отверстия формируют головы, а три вытянутых полуовальных – передние лапы и туловище. Размер нижних фигурок вряд ли превышал 4 см. Вполне вероятно, что эту композицию можно реконструировать по-иному. Судя по динамике изменения сечения, максимальный размер которого был не более 3,0×1,5 см, она близка к переходу от верхней части посоха к средней. Реконструируемое сечение средней части ок. 2,0×1,2 см.

Посох 4. Фрагмент изделия был обнаружен в осыпи берега на отрезке пространства оборонительно-жилого комплекса городка в 1998 г. и поэтому достоверной стратиграфической привязки не имеет. Его можно датировать в достаточно широком диапазоне от XIV до первой трети XVIII в. (ок. 1300–1730 гг.). Первоначально фрагмент был идентифицирован как обломок рукояти. Только сейчас на основании сопоставления с другими подобными предметами его можно определить как верхнюю часть ритуального посоха.

По фрагменту реконструируется посох в форме тонкой жерди овального сечения, декорированный ажурным зооморфным навершием (рис. 3, 3). Общий размер определить невозможно, длина верхней части не более 11 см, ширина 3,2, толщина 1,3 см. Фигуры животных крайне стилизованы. Они переданы посредством трех сквозных отверстий: два круглых фор-

мируют смыкающиеся головы и передние лапы, нижнее круглое и треугольное – туловище, задние лапы и хвост. Вид животных определен условно в рамках группы небольших хищников. Размер фигурок по краю нижнего отверстия в пределах 7 см. Верхняя часть на расстоянии 11 см максимально сужается до 2,0×1,4 см, а затем расширяется книзу и у обломанного конца составляет 2,2×1,6 см.

Следует отметить, что при раскопках других синхронных памятников с замерзшим культурным слоем, в частности Полуйского и Войкарского городков, подобных предметов не обнаружено [Кардаш, 2005а, б; 2006а, б; Брусницина, 2003, 2005а, б; Фёдорова, 2004, 2006]. В этой связи вышеописанная группа предметов в настоящее время является не только самой представительной, но и единственной.

Ритуальные аналогии

Зооморфные изображения на навершиях надымских посохов не являются уникальными не только для западно-сибирской иконографии культовых образов, но и для мировой. Две сопоставленные фигуры животных – это довольно универсальный символ, имеющий широкое распространение с эпохи неолита [Голан, 1993, с. 160–163, рис. 340–359]. Подобные изображения есть и на других изделиях, найденных при изучении Надымского городка. Эти предметы позволяют не только расширить круг ритуальных артефактов, известных на сегодняшний день, но и дополнить серию образов надымских жреческих посохов для семантического анализа и интерпретации.

Ложка 1. Фрагмент изделия был обнаружен в 1998 г. при зачистке осыпи культурного слоя в центральной части оборонительно-жилого комплекса на уровне материкового основания [Кардаш, 1999, с. 39, рис. 161]. Раскопки этого уровня еще не производились, но на первоначальной стадии исследований была взята серия вывалившихся из обрыва спилов с древесных остатков строений для датировки дендрохронологическим методом. Установлено, что период активной рубки деревьев для строительства городка приходится на конец XII – начало XIII в. (ок. 1190–1220 гг.). Этим временем можно датировать найденный предмет.

Фрагмент рукоятки ложки, выполненной из рога северного оленя, имеет размеры 7,1×2,0×0,3 см и представляет собой навершие с зооморфной трехфигурной композицией (рис. 4, 1). В верхней части изображен олень, склонивший голову к земле. Примечательно, что у него обозначены короткий хвост, ребра, но нет рогов. Возможно, их отсутствие подчеркивает половую принадлежность животного, т.е. изображена самка северного оленя). Снизу к этой фигурке примыкают два сопоставленных профильных изоб-

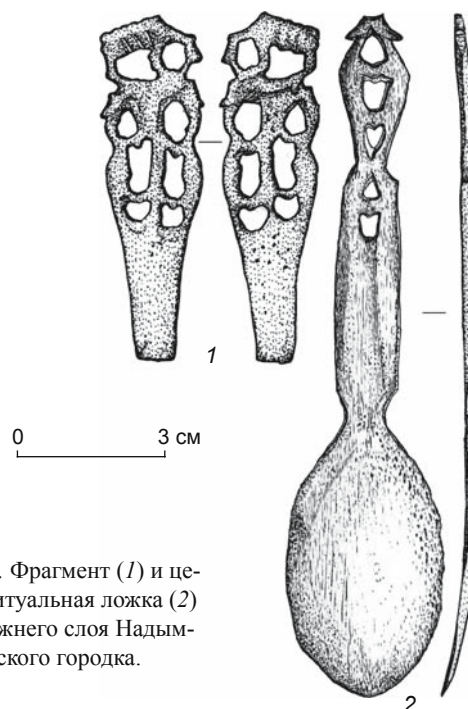

Рис. 4. Фрагмент (1) и целая ритуальная ложка (2) из нижнего слоя Надымского городка.

ражения зверьков, которых можно соотнести с семейством куньих (куница, выдра?). Они имеют разные размеры, что, скорее всего, предполагает разную половую принадлежность. Поверхность фигур и пространства под ними покрыта хаотичным точечным орнаментом – углублениями диаметром ок. 0,1 см.

Ложка 2. Найдена в 2000 г. при разборке культурного слоя, осыпавшегося в центральной части оборонительно-жилого комплекса городка, на уровне, близком к материковому основанию [Кардаш, 2001, с. 45, рис. 173], что позволяет датировать предмет XIII–XIV вв. (ок. 1200–1400 гг.).

Изделие размером 13,8×3,2×0,3 см выполнено из рога северного оленя и имеет форму ложки с овальным (3,2×6,0 см) плоским черпаком и прямоугольной (1,2×7,8 см) рукоятью, декорированной ажурным навершием, на котором изображены два зверька (рис. 4, 2). Сопоставленные фигуры животных переданы схематично. Они смыкаются мордами, лапами и хвостами. На головах показаны приостренные уши, непропорционально большие относительно самих фигурок. Возможно, они должны подчеркивать видовую принадлежность животных, которых условно можно отнести к семейству псовых (лисицы?). Хвосты фигур смыкаются с нижним ажурным элементом. Последний, очевидно, является еще более стилизованным изображением пары животных, подобным вышеописанному на посохе 2.

Сопоставленные фигуры животных или определенное изображение, фланкированное парными фигурами зверей, известны в иконографии культового бронзового литья Урала и Западной Сибири [Оборин,

Чагин, 1988; Зыков и др., 1994; Зыков, Фёдорова, 2001; Древние бронзы..., 2000], причем более распространен последний вариант. Одно из наиболее ранних таких изображений, датированное VII–IV вв. до н.э. (белоярская археологическая культура), найдено в 2009 г. при раскопках городища Стрелка на р. Большой Юган близ пос. Угут Сургутского р-на Ханты-Мансийского АО (рис. 5). Следовательно, древность этого сюжета и его использование в культовых изображениях на протяжении многих столетий позволяют заключить, что его значение было хорошо известно древнему аборигенному населению Северо-Западной Сибири.

Семантика подобных изображений достаточно подробно рассмотрена А. Голаном [1993, с. 160–163, рис. 340–359]. Если обобщить результаты его анализа, то подавляющее большинство парных сопоставленных фигур животных можно интерпретировать как элементы божественной триады, символизирующие стражей верховного божества (богини) или близнецов – детей верховной богини. Разнополюе фигурки в данном контексте олицетворяют идею божественного плодородия [Там же, с. 161–162]. Такая трактовка парных зооморфных изображений всецело согласуется с системой религиозных представлений коренных народов Сибири, взаимосвязанной с шаманской ритуальной практикой, в которой используется посох.

Рис. 5. Культовая антропоморфная скульптура из бронзы. Белоярская археологическая культура (VII–IV вв. до н.э.). Городище Стрелка (р. Большой Юган, Сургутский р-н, ХМАО).
1 – скульптура; 2 – ее зооморфные элементы – модель сопоставления фигурок зверьков.

Заключение

Ритуальные посохи XVI – первой трети XVIII в. и ритуальные ложки XIII–XV вв. из Надымского городка благодаря их относительной многочисленности позволяют сделать ряд выводов и предположений на более широком территориальном и хронологическом фоне. На основе представленного материала достаточно аргументированно можно выделить такой тип предметов, как ритуальный посох жреца. Он представляет собой тонкую жердь длиной ок. 1,5 м, увенчанную навершием в виде композиции из сопоставленных фигур животных, олицетворяющей идею божественного плодородия. Именно такая форма навершия маркировала на протяжении XIII – первой трети XVIII в. не только жреческие посохи, но и другие предметы ритуального назначения. Они были присущи культуре всех этнических групп, проживавших в Надымском городке, и в частности документально зафиксированных остяков и самоедов.

Анализ семантики культовых зооморфных изображений, связанных с надымскими жреческими посохами, позволяет высказать мнение о комплексе бронзовых предметов, бытовавших на обширной территории Северо-Западной Сибири в IX–XV вв. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 57–65, рис. 17–20]. Большая группа этих изделий (несколько сотен), выполненных в зверином стиле, относится к вожпайской и кинтусовской археологическим культурам, с которыми ряд исследователей связывает истоки формирования таких современных сибирских народов, как ханты и ненцы [Чернецов, 1957, с. 180; Хлобыстин, 1993, с. 26]. Среди них известен только один предмет, который композиционно близок надымским навершиям и мог быть навершием жреческого посоха. Это бронзовое ажурное изделие с зооморфной композицией найдено в 1993 г. при раскопках разрушенной части могильника Арантур-27, расположенного в верхнем течении р. Конды в Советском р-не Ханты-Мансийского АО [Степанова, 1994, с. 61]. Размер навершия 7,7×4,7×2,4 см при наружном диаметре втулки 3,0×2,1 см. (рис. 6). Композиция состоит из пары сопоставленных фигур животных, смыкающихся мордами, передними и задними лапами. Хотя изображения выполнены в относительно реалистичной манере, определить видовую принадлежность животных можно лишь предположительно на уровне семейства псовых. На туловищах фигур имеется орнамент: на одной – цепочка из семи маленьких полусфер, на другой – из семи рельефных линз листовидной формы. Вероятно, эти различия в декоре должны были дифференцировать животных, и скорее всего, по полу. Между задних ног фигур расположена вертикальная цепочка из четырех полусфер. Вся композиция опирается на короткую (высотой 1,2 см) втулку, декорированную пояском из полусфер. Размер навершия, композиция и другие чер-

ты сближают это изделие с надымскими посохами, что позволяет отнести их к одной группе предметов.

Вместе с тем среди многочисленных бронзовых изделий XIII–XV вв., периода сайгатинской археологической культуры, художественный металл которой отличается радикальной схематизацией образов животных, аналогичные предметы пока вообще не известны. По-видимому, производственные центры, где отливались художественные изделия в зверином стиле, были крайне слабо или совсем не связаны с религиозно-обрядовой системой аборигенного населения Северо-Западной Сибири. Тот факт, что деревянные и костяные ритуальные атрибуты были изготовлены жителями Надымского городка, не вызывает сомнений, как и то, что это население имело представление о языке звериных образов и пользовалось им в религиозно-обрядовой практике. Вероятно, некая часть сакральных знаний была малодоступна или совсем неизвестна чужим ремесленникам и торговцам, привозившим художественные бронзовые изделия как жителям Надымского городка, так и, скорее всего, другим аборигенным общинам Нижнего Приобья, а возможно, и более обширной территории Северо-Западной Сибири.

Полное отсутствие таких предметов, как жреческий посох, в вещевых комплексах других средневековых памятников с замерзшим культурным слоем позволяет предполагать особый религиозный статус Надымского городка в регионе, что могло быть связано с расположением поселения недалеко от Святого мыса – *Хэбидя сале*, маркирующего устье р. Оби. Это святое место отмечено на карте С.У. Ремизова «Море Мангазейско с урочище», датированной XVII в. Оно почиталось разным населением региона на протяжении длительного времени и является культовым по сей день [Дмитриев-Садовников, 1918, с. 41; The Atlas..., 1958, l. 115; Белов и др., 1981, с. 114; Поляков, 2005, с. 117]. Возможно, надымские вожди и жрецы осуществляли ритуально-обрядовые действия для большого числа приезжавших паломников.

В завершение можно сделать еще один вывод о религиозных воззрениях жителей Надымского городка. Правда, основанный только на археологических источниках, он может показаться малоубедительным. Тем не менее обращу особое внимание на уникальную особенность культурного слоя Надымского городка – замерзшее состояние. Накапливаясь и замерзая, слой не оттаивал, и вещи в нем не перемещались. Именно это обстоятельство позволяет делать некоторые выводы не только по наличию артефактов, но и по их отсутствию. К категории культовых предметов и принадлежностей ритуалов в настоящее время отнесено ок. 200 изделий, и это не считая вещей из категории детских игрушек (ок. 1 500 экз.), в рамках которой сложно дифференцировать бытовые предметы и тотемные, а последние могут составлять не менее половины. Сле-

Рис. 6. Бронзовое навершие с зооморфной композицией X–XI вв. Могильник Арантур-27 (р. Конда, Советский р-н, ХМАО).

ды различных ритуалов и жертвоприношений свидетельствуют об активной религиозной деятельности на территории Надымского городка. Совокупность этих фактов и отсутствие в коллекции предметов XVI – первой трети XVIII в. каких-либо деталей бубнов позволяют с большой долей уверенности заключить, что у северных остяков и самоедов того времени ритуальный посох был основным и наиболее древним магическим орудием жреца. Следовательно, шаманская религиозная традиция, с которой связано использование бубна в обрядах, сформировалась у населения Нижнего Приобья не ранее середины XVIII в.

Список литературы

- Алексеев Е.А.** Кеты: историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1967. – 262 с.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазейя. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – 147 с.
- Брусницина А.Г.** Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: мат-лы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 9–11 декабря 2003 г. – Тобольск: ТГИАМЗ, 2003. – С. 45–42.
- Брусницина А.Г.** Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: мат-лы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение». Салехард, апрель 2005 г. – Екатеринбург, Салехард: РА АРТмедиа, 2005а. – С. 22–32.
- Брусницина А.Г.** Археологические раскопки городища Усть-Войкарского в Шурышкарском районе ЯНАО в 2004 г.: отчет о НИР / ЯНОМВК им. И.С. Шемановского. – Екатеринбург, Салехард, 2005б. – 215 с.
- Василевич Г.М.** Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Голан А.** Миф и символ. – М.: Руслит, 1993. – 375 с.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 1. – 699 с.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Река Надым // Ежегодник Тобольского государственного музея. – 1917. – Вып. 28. – С. 1–24; 1918. – Вып. 29. – С. 25–43.

Древние бронзы Оби: Западно-сибирский звериный стиль: Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея / отв. ред. Ю.Б. Неруш. – Сургут: Сургут. худ. музей, 2000. – 56 с.

Дьяконова В.П. Предметы к лечебной функции шаманов Тувы и Алтая // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1981. – Т. 37: Материальная культура и мифология. – С. 138–152.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.

Кардаш О.В. Археологические исследования Надымского городища летом 1998 года: отчет о НИР: в 2 т. / НПО «Северная археология». – № 31/1–2. – Нефтеюганск, 1999. – Т. 2. – 194 с.

Кардаш О.В. Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года: отчет о НИР: в 6 т. / НПО «Северная археология». – № 52/1–6. – Нефтеюганск, 2001. – Т. 2: Археологические исследования. – 208 с.

Кардаш О.В. Комплексное изучение Надымского городища в 2002 году: отчет о НИР: в 5 т. / НПО «Северная археология». – № 85/1–5. – Нефтеюганск, 2003. – Т. 1: Археологические исследования. – 230 с.

Кардаш О.В. Раскопки стоянки Салехард-1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат.-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005а. – С. 17–20.

Кардаш О.В. Археологические раскопки стоянки Салехард-1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров», в 2004 году: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 105/1. – Нефтеюганск, 2005б. – 240 с.

Кардаш О.В. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Урал. ист. вестн. – Екатеринбург, 2006а. – № 13. – С. 128–131.

Кардаш О.В. Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард-1 (Обдорский городок) летом 2005 года: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 118/1. – Нефтеюганск, 2006б. – 140 с.

Кардаш О.В. Комплексное изучение Надымского городища в 2007 году: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 234. – Нефтеюганск, 2007. – 240 с.

Кардаш О.В. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV–XVI вв. в 2009 году: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 303. – Нефтеюганск, 2009а. – 266 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009б. – 360 с.

Кардаш О.В. Посохи свата из Надымского городка XVII–XVIII веков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 61–71.

Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские: опыт этнографического исследования. – Владивосток: [Тип. Упр. внутр. дел], 1922. – 370 с. – (Зап. Об-ва

изучения Амурского края Владивосток. отд-ния Приамур. отд. Рус. геогр. об-ва; т. 17).

На грани миров: Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея): альбом. – М.: Художник и книга, 2006. – 296 с.: ил.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Искусство Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1995. – 928 с.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. – Тюмень: Мандр и Ка, 2005. – 200 с. – (Прил. к т. 30 «Зап. Имп. Акад. наук»; № 2).

Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 11. – С. 335–375.

Прокофьева Е.Д. Энецкий шаманский костюм // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 13. – С. 125–153.

Сем Т.Ю. Современный взгляд на проблемы шаманства: к психологии пути «знания» // Шаманизм народов Сибири: Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2006а. – С. 523–532.

Сем Т.Ю. Семиотика шаманских ритуалов (по материалам тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока) // Шаманизм народов Сибири: Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2006б. – С. 568–626.

Степанова Г.А. Отчет об исследованиях памятника Арантур-27 в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1993 г.: [отчет о НИР] / Предприятие «Аудиовидео коммуникации». – Екатеринбург, 1994. – 122 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова: в 3 т. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – Т. 1. – 704 с.

Фёдорова Н.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: Наука, 2004. – Вып. 2. – С. 11–17.

Фёдорова Н.В. Войкарский Городок: Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. – Салехард, 2006. – Вып. 4 (41): Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». – С. 11–17.

Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS: Археологические изыскания. – СПб.: Фарн, 1993. – Вып. 10. – С. 19–27.

Хомич Л.В. Ненцы: очерки традиционной культуры. – СПб.: Русский Двор, 1995. – 336 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 136–245. – (МИА; № 58).

The atlas of Siberia by Semyon U. Remezov: facs. ed. with an introduction by Leo Bagrow's. – Gravenage: Mouton & Co, 1958. – 173 L.